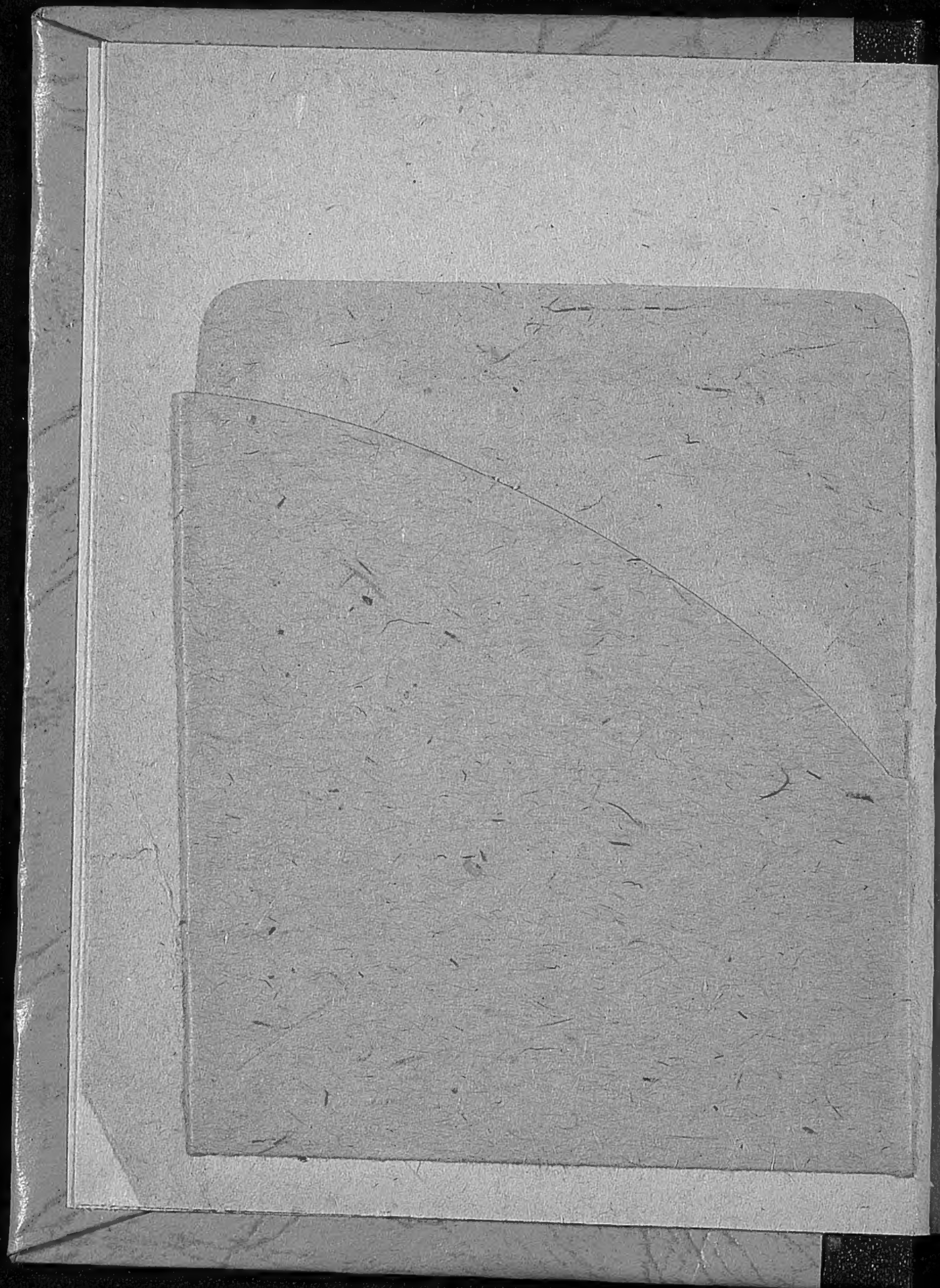
Кудрявцев Ф.
Дневник ленской
забастовки...

ДНЕВНИК ЛЕНСКОЙ ЗАБАСТОВКИ 1912 года

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1938

ДНЕВНИК ЛЕНСКОЙ ЗАБАСТОВКИ 1912 года

ФАКТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Составил Ф. А. Кудрявцев

ОГИЗ
ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1938

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Ленский расстрел... явился точнейшим отражением *всего* режима 3-тье-июньской монархии. Вовсе не борьба за одно из *прав*, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во *всех* отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные *права*, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что *зажгли* массы *революционным* огнем“ [1].—Так В. И. Ленин характеризовал причины и сущность ленских событий 1912 года.

На далеких Ленских приисках общее бесправие трудящихся масс проявлялось особенно сильно. Неограниченным властителем Лено-Витимского горного округа было Акционерное Лен-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XV, стр. 534.

ское золотопромышленное товарищество („Лензото“, или „Эльзото“), богатевшее за счет зверской эксплоатации рабочих. Акционерами „Лензото“ были крупные русские и английские капиталисты, царские сановники: граф Витте, министр Тимашев и члены царской семьи.

Судьи, чиновники, полицейские на приисках содержались за счет „Лензото“, являясь послушными холопами золотопромышленников.

В 1912 году на приисках Витимского горного округа работало 13.260 рабочих. Из них 11.492 человека—в Ленском золотопромышленном товариществе. Попадая в далекую приленскую тайгу, рабочие оказывались в кабале у золотопромышленников. Годовой договор найма с рабочими заключался администрацией „Лензото“ в сентябре и октябре—в период окончания навигации. Рабочему после прекращения навигации было трудно выбраться с приисков, и он, боясь остаться без всяких средств к существованию, был вынужден работать на любых кабальных условиях. „Деваться некуда, и уволенный служащий и рабочий, в особенности зимой, обрекается здесь в полном смысле на голодание“,—говорится в отчете Окружного инженера[1]. При увольнении на паспорте рабочего делалась особая отметка и его заносили в „черные списки“, рассылавшиеся по приискам. Жаловаться на про-

[1] Иркутское областное архивное управление, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1.

извол золотопромышленников было некому. Полиция, суд, тюрьма, почта, транспорт, вся торгово-промышленная жизнь округа находились в руках „Лензото". Рабочие опутывались самой цепкой паутиной, сплетенной эксплоататорами.

„У меня так работать, чтобы от лошадей остались хвост да грива, а от людей—нос да глаза",—нагло заявил управляющий приисками Белозеров при своем вступлении в эту должность. И эта установка главного приказчика золотопромышленников проводилась в жизнь.

Являясь полновластным и бесконтрольным хозяином на приисках, „Лензото" усиливало наступление на рабочих, систематически ухудшая условия труда, понижая заработную плату, увеличивая штрафы, вздувая цены на продукты и другие товары, которые рабочие могли покупать только в лавках товарищества.

В среднем рабочий день на приисках продолжался 12 часов. Он начинался в 5 часов утра и заканчивался в 7 часов вечера с перерывом на обед. Рабочих привлекали еще на сверхурочные и так называемые экстренные работы, которые часто не оплачивались. Вообще в отношении рабочего времени царил полнейший произвол. В летнее время рабочие имели лишь два дня отдыха в месяц.

Условия работы на приисках были отвратительные. Даже правительственная экспедиция, обследовавшая прииски, была вынуждена признать эти условия каторжными. Самый спуск в

шахты глубиною от 18 до 30 сажен по лестнице-стремянке, сплошь покрытой грязью и льдом, при плохом освещении, был опасен для жизни. Бывало так, что рабочие срывались с лестницы, падали, получали увечья и даже разбивались насмерть. Вентиляция в шахтах почти отсутствовала. В душных штреках и забоях стоял динамитный дым, вызывавший головокружение и тошноту. Нередко забойщиков вывозили на тачках в бессознательном состоянии от угара.

„Динамит плохой, от которого головные боли и тошнота,—заявляли рабочие.—От пожогов часто бывает угар, заливаются они перед самым приходом на работу, отчего иногда приходилось вытаскивать угоревших. Вентиляция отсутствует, на зумпфах ставятся жаровни (хмары), где кладут угли, а чаще—дрова, которые дымят и (оттого) ест глаза... После пожогов никакой вентиляции не делалось. В шахтах лесоспуск есть лишь на одной шахте, да и то без предохранительной сетки, так что бывают несчастные случаи. При слабом грунте не давали и палей, что влекло за собой осыпку породы, сопровождающуюся несчастными случаями“ [1].

В 1911 году горным надзором было зарегистрировано на приисках 896 несчастных случаев на 5.442 рабочих, причем необходимо отметить, что эта цифра была далеко неполной, так как

---

[1] Сборник „Ленские прииски“. ОГИЗ. Москва, 1937 г.

приисковая администрация скрывала подобные факты.

При работе в мокрых забоях рабочие промокали, что называется, до нитки. Сушилок же и раздевален при шахтах не было. Особенно плохо приходилось рабочим зимой: они были вынуждены итти домой при 40° мороза, вся одежда обледеневала. Часа полтора после этой „прогулки" рабочие оттаивались в своих казармах...

Печальна была участь заболевших и увечных рабочих. Известны факты, когда приисковая администрация вывозила больных рабочих на пароходах в Качуг и оставляла их на произвол судьбы на пароходной пристани. Медицинская помощь на приисках была поставлена плохо. Больные ютились в тесных и грязных больничных бараках. Рабочие жаловались на недостаток медицинской помощи, на отказы в подаче ее и на плохие условия содержания в больницах.

„Еще раз просим посетить больницу Андреевского прииска,—писали рабочие в своей жалобе Окружному инженеру.—Управление, повидимому, считается только со своим законом—капиталом и больше ничего знать не хочет. Несмотря на все указания со стороны рабочих, несмотря на посещение этой больницы инженером Александровым, в ней осталось все по-старому. Грязь и зараза царят кругом" [1].

---

[1] Иркутский облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1.

За свой изнурительный труд рабочие получали скудный заработок. По данным Окружного инженера Витимского горного округа, средний годовой заработок рабочих колебался от 480 до 600 рублей. Годовой же расход для холостого равнялся 400 рублям, а для семейного—660 рублям. Таким образом рабочие или едва перебивались на свой заработок, или сводили свой бюджет с дефицитом.

При сдельных работах обычным явлением были обсчеты и обмеры, причем при расценках не принимались во внимание естественные условия работы (твердость породы и пр.). Широко применялись штрафы. Значительная доля заработной платы выдавалась рабочим не деньгами, а талонами на товары в магазинах „Лензото". Выдача заработанных денег задерживалась на длительные сроки, и таким образом, помимо своей воли, рабочие, по существу, беспроцентно кредитовали золотопромышленников из своего скудного заработка. Продукты приходилось покупать по повышенным ценам, причем „Лензото" стремилось сбывать рабочим товары плохого качества.

Представители приисковой администрации обращались с рабочими крайне грубо и всячески издевались над ними. Об этом выборные от рабочих рассказывали в 1912 году Комиссии адвокатов:

„Положение рабочих на приисках тяжелое. Происходят постоянные обмеры, так как смотри-

тели сразу выработку не записывают, а записывают потом и всегда записывают меньше. Администрация очень жестокая, обращается с рабочими грубо. Бывали случаи, что отдельные служащие били рабочих. Станукин избил одного подростка. Служащие ввели принудительную проституцию. Была принудительная расплата талонами. Обвесы всегда были... В праздники были принудительные работы, в отдыхи то же самое. Бывали случаи, что рабочие работали круглый год без одного дня отдыха. Плохое продовольствие, несеянный хлеб, мясо тухлое, кишки, головы, внутренности...“ [1]

На приисках было широко распространено шпионство. Урядники, агенты приисковой администрации постоянно следили за рабочими и доносили на них. На малейший протест против злоупотреблений приисковой администрации рабочим отвечали грубостями и угрозами.

Контракт обязывал рабочих не увольняться с работы до конца контрактационного срока, их же могли увольнять по любому капризу приискового начальства.

Свой небольшой отдых рабочему приходилось проводить в антисанитарной жилищной обстановке. Казармы были ветхие, тесные, плохо вентилируемые. По сообщению фабричного инспектора:

---

[1] Центрархив. „События на Лене в документах“. Партиздат, 1932 г.

„Из 103 казарм, обслуживающих состав рабочих, занятых на приисках 2-й дистанции, в удовлетворительном состоянии находятся лишь 15, остальные 88 совершенно непригодны для житья в зимнее время... Зимою в них так холодно, что мокрые сапоги примерзают к полу, рабочие вынуждены спать в шапках ввиду того, что изголовья нар приходятся у промерзающих стен. Большинство существующих казарм в таком состоянии, что угрожает не только здоровью, но и жизни рабочих, а потому подлежит уничтожению...“

В особенно тяжелом положении находились на приисках женщины и подростки. По требованию приискового управления, их принудительно назначали на работы, отказ влек за собой увольнение мужа или отца. Бывали факты, когда путем угроз и принуждений заставляли выходить на работу даже больных женщин. На просьбы об освобождении от работ отвечали грязными насмешками и бранью. Болезнь ребенка не освобождала от работы. Женщин назначали и на такие работы, которые были им не по силам. Издевательствам не было конца:

„Насильственным путем они заставляли нас выполнять работы, не считаясь с нашими заявлениями о болезнях, выгоняли плетьми, отрывая от грудных детей; грубое обращение, переходящее всякие границы нравственности“,—жаловались женщины.

Таким образом золотопромышленники зверски

эксплоатировали не только самих рабочих, но и их семьи.

В 1912 году в большевистской газете „Звезда“ поэт Ф. Шкулев так характеризовал тяжкое положение ленских горнорабочих:

Под тяжестью горя, под скорбные стоны
Они вам ковали всю жизнь миллионы.
Они коротали бессонные ночи,
И блекли от слез их усталые очи...
Их руки и ноги висели, как плети,
Голодными, чахлыми были их дети...
Они для вас тратили лучшие силы,
А вы угостили за то их могилой...

В душной атмосфере полного бесправия и произвола пред рабочими стояли два совершенно противоположных пути: изнывать в тисках двойного гнета со стороны капиталистов и самодержавия, или выступить на борьбу с ними. Чаша народного гнева переполнилась до крайних пределов, и рабочие избрали второй путь—путь борьбы.

В истории Лено-Витимского горного округа известен ряд забастовок и волнений рабочих, начиная с 70-х годов прошлого столетия (в 1876, 1882, 1883, 1884, 1888, 1889, 1900, 1901, 1902, 1904 гг.).

Но никогда еще забастовки не принимали таких широких размеров, не приобретали такого значения, как в 1912 году.

В начале XX века на приисках появились новые люди: это были рабочие, прошедшие закалку революционной борьбы в период революции

1905 года. Они и выступали в качестве руководителей во время Ленской стачки 1912 года. В 1910 году на Надеждинском прииске сложилась небольшая большевистская группа.

„Мы решили организоваться,—рассказывает П. И. Подзаходников,—и вести работу в доступной в ленских условиях форме... Перед началом стачки у нас была уже прочная связь с отдельными рабочими окружающих приисков“ [1].

В напряженной обстановке всеобщего недовольства и озлобления рабочих против золотопромышленников необходим был хотя бы небольшой толчок, повод, чтобы это недовольство выявилось открыто. Таким поводом была выдача одному из рабочих Андреевского прииска совершенно негодного конского мяса. Сообщение об этом чрезвычайно взволновало рабочих. 29 февраля 1912 года возмущенные горняки начали забастовку, охватившую в марте все Ленские прииски.

Как протекала эта забастовка, получившая всемирную известность, мы и постараемся описать в „Дневнике Ленской забастовки 1912 года“, на основании опубликованных и частично еще не опубликованных материалов об этом историческом событии.

Забастовка проходила дружно и организованно. В стачечном комитете и среди приисковых делегатов руководящая роль принадлежала большевикам и большевистски настроенным рабочим.

[1] Сборник „Ленские прииски“. ОГИЗ. 1937 г.

Большевики боролись против всяких попыток меньшевиков и эсеров сорвать стачку, и добились ее продолжения.

4/17 апреля 1912 года царские палачи в угоду капиталистическим хищникам залили приисковую землю кровью беззащитных рабочих, пытаясь утопить в ее потоках всякие проявления протеста против царившего произвола. „Так было и так будет впредь“,—нагло заявил министр внутренних дел Макаров.

Но ни одна капля крови, пролитой на Ленских приисках, не осталась не отомщенной.

Рабочие России под руководством большевиков ответили на Ленский расстрел 1912 года усилением революционной борьбы.

Ленская забастовка происходила в период политического оживления, начавшегося в 1910 году.

„Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс“[1],—писал В. И. Ленин.

Большевистские газеты и листовки, ораторы на сходках и демонстрациях подробно осветили причины и сущность Ленских событий, призывая к самой решительной борьбе под знаменем партии против палачей рабочего класса.

„Ленские выстрелы разбили лед молчания,—писал И. В. Сталин в большевистской „Звезде“,—и—тронулась река народного движения.

Тронулась!..

---

[1] В. И. Ленин, сочинения, т. XV, стр. 534.

Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия—все это собралось в одном факте, в событиях на Лене.

Вот почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций"[1].

Во главе масс шла закаленная в боях большевистская партия. Развивалось массовое политическое движение, высоко поднималась волна стачек и демонстраций, выносились многочисленные резолюции протеста. В апреле и мае 1912 года бастовало 700.000 человек, а всего в этом году стачечное движение охватило полтора миллиона рабочих.

Революционный подъем 1912 года, подготовленный, организованный и возглавленный большевистской партией, был предвестником новых боев, разгоревшихся в 1917 году под руководством партии Ленина—Сталина и завершенных победой в Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Память о рабочих, погибших в 1912 году на Ленских приисках, будет вечно жить в сердцах трудящихся.

„...ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними..." (Сталин)[2].

---

[1] К. С. [Сталин]. „Звезда", 1912 г. № 32.

[2] И. В. Сталин. Ленским рабочим. „Ленский шахтер", 1927 г., № 87.

ДНЕВНИК ЛЕНСКОЙ ЗАБАСТОВКИ 1912 ГОДА

ФАКТЫ И МАТЕРИАЛЫ

29 февраля (13 марта) 1912 года

Начало забастовки рабочих на приисках Акционерного Ленского золотопромышленного товарищества („Лензото") было положено рабочими Андреевского прииска, забастовавшими утром в количестве 715 человек. Вечером к забастовке присоединились рабочие соседнего Утесистого прииска (229 человек).

Рапорты горного полицейского урядника Окружному инженеру

1.

Честь имею доложить вашему высокоблагородию, что сего числа в день не вышли на работу рабочие Андреевского прииска в числе около 715 человек, причину невыхода объясняют получением плохого мяса, о чем по телефону доложено местному исправнику 29 февраля 1912 года.

2.

Честь имею доложить вашему высокоблагородию, что с обеда 29 сего февраля не вышли работать рабочие Утесистого прииска в числе 229 человек, причина невыхода неизвестна.

(Иркутский областной архив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1).

1 (14) марта 1912 года

Забастовали рабочие Васильевского прииска.

2 (15) марта 1912 года

К забастовке примкнули рабочие Варваринского, Ново-Васильевского, Пророко-Ильинского, Липаевского и Нижнего приисков.

Из воспоминаний Ю. К. Краукле

1 марта прекратили работы 160 человек на прииске Васильевском. Затем забастовали рабочие приисков Варваринского, Ново-Васильевского, Пророко-Ильинского, Липаевского, Нижнего, а 3 марта забастовали прииски: Александровский, Надеждинский и Феодосиевский. Последними примкнули к забастовке рабочие Дальней тайги, прииски Тихоно-Задонский, Ивановский, Свет-

лый, Кулебряник, куда посланные представители рабочих добрались лишь к 13 марта.

На всех приисках, где рабочие узнавали о забастовке андреевцев, они бросали работу и включались в забастовку. Сразу же собиралось общее собрание, выбирался стачечный комитет, в большинстве из ссыльных.

(Сб. „Ленские прииски". ОГИЗ, Москва. 1937 г., стр. 267).

3 (16) марта 1912 года

Забастовка охватила почти все Ленские прииски, в которых насчитывалось свыше 12.000 рабочих, за исключением дальних приисков, еще не знавших о начавшейся стачке.

Забастовкой руководила большевистская группа, центром которой был Надеждинский прииск. Она состояла преимущественно из рабочих—политических ссыльных, участников революционного движения 1905 года.

На приисках выбирались стачечные комитеты. Делегаты от рабочих Феодосиевского прииска выработали требования для предъявления приисковой администрации, которые в дальнейшем были положены в основу требований всех приисков.

Проект требований был одобрен собранием рабочих Феодосиевского прииска, включивших еще дополнение о том, чтобы женский труд не был принудительным.

На собрании членов стачечных комитетов от-

дельных приисков и делегатов, происходившем вечером 3 марта на Надеждинском прииске, было решено создать Центральный стачечный комитет, избрать для связи с ним старост от бараков, где жили рабочие, и созвать 4 марта общее собрание рабочих всех забастовавших приисков.

Телеграммы Окружного инженера в Петербург—Горному департаменту и в Иркутск—горному начальнику

1.

В ночь на третье прибыл на Успенский. Забастовали почти все рабочие „Лензото" Витимского округа. Требования экономические, еще не выяснил. Обещают окончательно выработать завтра. Сегодня телеграф получил извещение: забастовали 700 рабочих „Лензото" Олекминского округа. Остаюсь в Успенском.

2.

Забастовали почти все рабочие „Лензото" в обоих округах (Витимском, Олекминском). Забастовка началась 29-го на Андреевских, третьего дошла до Ивановского, Олекминского округа. Протекает мирно... Окончательные требования обещают выработать четвертого. Нахожусь в Успенском.

(Иркутский облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1).

Из воспоминаний Г. В. Черепахина

...Примерно к 5 часам вечера 3 марта на Надеждинском прииске собрались члены стачечных комитетов отдельных приисков и делегаты. На этом заседании был решен вопрос о создании Центрального стачечного комитета. Здесь же разгорелся спор о том, будем ли мы выбирать Центральный стачечный комитет из имеющейся группы или предложим избирать общему собранию всех бастующих приисков. Большинством голосов было решено вынести вопрос на общее собрание.

Вторым стоял вопрос о создании стачечных комитетов на всех приисках и о том, чтобы к их выбору приступить немедленно.

Третий вопрос был о старостах. Институт старост был принят без особых прений. При создании старостата имелась в виду постоянная связь Центрального стачечного комитета и делегатов с бараками, в которых жили рабочие.

Мысль об этой структуре созрела на основе опыта 1905 года и той огромной роли, которую сыграли в революции 1905 года низовые рабочие организации.

(Сб. „Ленские прииски", стр. 269).

4 (17) марта 1912 года

На Надеждинском прииске происходило общее собрание бастующих рабочих приисков Ближней тайги: Пророко-Ильинского, Александровского,

Успенского, Андреевского, Васильевского, Надеждинского и Феодосиевского.

Собранием были приняты требования для предъявления приисковой администрации. Рабочие постановили:

„Прекратить работы до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих. Время забастовки должно писаться, как рабочее время, т. е. поденно.

Время забастовки не должно ставиться в вину забастовавшим, так как эта последняя вызвана наитруднейшей необходимостью, неудовлетворенностью вопросов, которые ставятся во главу требований".

Требования рабочих содержали 18 пунктов и сводились в основном к следующему:

1) Улучшение качества продовольствия под контролем уполномоченного от рабочих; 2) улучшение жилищных условий; 3) ни один рабочий не должен быть уволен в зимнее время; 4) восьмичасовой рабочий день; 5) увеличение заработной платы; 6) уплата заработка полностью и ежемесячно (платили частично и преимущественно талонами в лавку); 7) отмена штрафов; 8) организация регулярной медицинской помощи и выдача платы в период болезни; 9) „чтобы администрация не увольняла по личным капризам, а делала с ведома рабочей комиссии"; 10) отмена принудительного труда женщин; 11) вежливое обращение; 12) устранение ряда представителей приисковой администрации, наиболее ненавистных для рабо-

чих; 13) „за время забастовки никто не должен пострадать“.

На общем собрании был избран для руководства стачкой Центральный стачечный комитет. Руководящую роль в нем играли большевики и большевистски настроенные рабочие.

Из воспоминаний П. И. Подзаходникова

Я должен категорически заявить, что с первого же момента стачка, несмотря на стихийность ее возникновения, была безусловно под влиянием и организационным воздействием большевистской группы передовых рабочих на Лене.

Правда, их было меньшинство, но тем характернее, что это меньшинство завоевало с первых же дней авторитет, который за все время стачки не только не снижался, а, наоборот, все возрастал. Достаточно вспомнить голосование пункта требований о восьмичасовом рабочем дне. Пункт этот был выдвинут нашей группой и принят большинством. А меньшевистская группа, возглавляемая Думпе и Розенбергом, говорила о десятичасовом, в крайнем случае, девятичасовом рабочем днем. Эта группа с первого же дня стачки шла на поводу у администрации „Лензото“, страхуя себя от потери того привилегированного положения, которое она занимала. И вообще с первых дней стачки ясно проявились две линии и две тенденции: группы большевиков и группы меньшевиков.

(Сб. „Ленские прииски“, стр. 275).

Требования забастовавших рабочих были вручены заместителю управляющего приисками Теппану и Окружному инженеру. Теппан же немедленно по телеграфу сообщил об этих требованиях в Петербург—Главному управлению Ленского золотопромышленного товарищества.

В ответ на требования бастующих „Лензото“ обещало сделать ряд мелких уступок, но основные требования рабочих были совершенно отвергнуты. Золотопромышленники угрожали в случае продолжения стачки произвести поголовный расчет и остановить водоотливы. Последнее заявление было явно провокационным актом: золотопромышленники хотели возложить на рабочих ответственность за затопление шахт. Провокация не удалась, так как рабочие сами организовали охрану шахт.

„ЛЕНЗОТО“ И ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДГОТОВЛЯЮТ КРОВАВУЮ РАСПРАВУ НАД РАБОЧИМИ

5 марта.

Телеграмма правления „Лензото“ иркутскому губернатору

Просим ваше превосходительство оказать скорейшее содействие посылке из Киренска на подводах, хотя бы за счет товарищества, достаточного числа солдат для предотвращения беспоряд-

ков, а также о немедленном удалении из приискового района политически неблагонадежного элемента.

6 марта.

Телеграмма министра торговли командующему войсками Иркутского военного округа

Ввиду всеобщей забастовки на приисках „Лензото“, в предупреждение возникновения беспорядков, могущих привести в расстройство крупнейшее золотопромышленное предприятие, и для защиты желающих стать на работу, покорнейше прошу ваше превосходительство, не признаете ли возможным озаботиться усилением воинской команды в районе приисков товарищества.

Министр торговли *Тимашев.*

(Центрархив. „События на Лене в документах“. Партиздат. Москва, 1932 г.).

7 (20) марта 1912 года

Окружной инженер объявил рабочим об отказе правления „Лензото“ удовлетворить их основные требования.

Объявление

Я, Окружной инженер Олекминского горного округа и исполняющий обязанности Окружного

инженера Витимского горного округа, сим объявляю рабочим Ленского золотопромышленного товарищества, что из предъявленных забастовавшими рабочими требований к Ленскому товариществу об изменении условий найма правление Ленского товарищества категорически отказывается удовлетворить нижеследующее:

1. Заплатить за дни забастовки неработавшим.

2. Требование о расчете только летом и бесплатный проезд до Жигалово.

3. Установить 8-часовой рабочий день.

4. Увеличить плату против существующей расценочной табели.

5. Уплату заработка ежемесячно полностью.

6. Отменить штрафы.

7. Установить везде трехсменную работу.

8. Уплачивать полуторную плату при командировках.

9. Увеличить плату за больные дни.

10. Увольнять рабочих с ведома рабочей комиссии.

11. Уволить кого-либо из служащих.

Поэтому, признав стачечный период оконченным, предлагаю приступить к работам в условленное расписанием время, а желающим рассчитаться—явиться в конторы для получения заработной платы и видов на жительство. 7 марта 1912 года.

(Иркутский облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1).

8 (21) марта 1912 года

Во всех приисках были вывешены объявления Окружного инженера, угрожавшие рабочим тюрьмой в случае продолжения забастовки, но никакие угрозы не страшили их.

Объявление

Так как приисковые рабочие „Лензото" по моему требованию и предложению правления в назначенный срок к работам не приступили, то с этого момента они подлежат ответственности по ст. 367 уголовного уложения (заключению в тюрьму), те же из них, которые возбуждают рабочих к продолжению стачки, будут ответствовать по пункту 3 ст. 125 того же уложения (заключение в исправительном доме, или заключение в крепость). О чем объявляю всем рабочим во всеобщее сведение.

И. об. Окружного инженера Витимского горного округа Окружной инженер Олекминского горного округа. *П. Александров.*

9 (22) марта 1912 года

Собрание выборных от бастующих рабочих, обсудив ответ правления „Лензото", отвергшего их основные требования, постановило продолжать стачку.

Рабочие вновь подтвердили свои требования и телеграфировали об этом в Петербург Горному департаменту.

Из телеграммы рабочих с перечислением требований

...Первое—доброкачественное продовольствие; второе—гигиенические жилища; третье—исполнение только тех обязанностей, на которые нанялся рабочий; четвертое—рассчитывать не зимой, а летом; пятое—бесплатный проезд до Жигалово; шестое—восьмичасовой рабочий день в мокрых забоях и проч.; седьмое—праздничный отдых; восьмое—в праздники полуторное вознаграждение; девятое—прибавка жалованья 30 процентов; десятое—ежемесячная уплата деньгами, а не талонами;... тринадцатое—введение старост; четырнадцатое—непринуждение женского труда; пятнадцатое—вежливое обращение; шестнадцатое—увольнение (некоторых) служащих; семнадцатое (прекратить—ред.)—злоупотребления в шахтах, которые управление желает скрыть, прекратив водоотлив.

Из телеграммы Окружного инженера директору Горного департамента

...Шестого марта словесно, седьмого расклейкой объявлений все рабочие мною оповещены, какие требования „Лензото“ принимает и какие отвергает. Сделанные уступки рабочих не удовлетворили, так как отвергнуто главное их требование—повышение заработной платы. Дальней-

шие переговоры прерваны. Рабочие смирно сидят в казармах. Управление „Лензото“ предъявляет иск о выселении из казарм, намеревается отправлять их в Киренск. Прошу указать, допустимо ли такое массовое переселение.

(Иркутск. облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1).

10 (23) марта 1912 года

Попытки „Лензото“, Окружного инженера и горного исправника сорвать стачку угрозами потерпели полную неудачу. Окружной инженер и горный исправник телеграфировали иркутскому губернатору:

„Телеграмму девятого марта докладываем: забастовка продолжается, резкого проявления беспорядков нет. Меры убеждения не действуют, ибо стачка хорошо организована, дисциплина твердая. То-же положение дел выжидательное, рабочие строго наблюдают за собой, дабы не был нарушен порядок. Меры охраны принимаются, водка вывезена Бодайбо, динамит свезен одно место, охраняется кроме приискового караула стражниками. У магазинов, складов, контор выставлены полицейские караулы. Причины забастовки—желание повысить рабочую плату, ослабить суровость режима, добиться более внимательного отношения управления нуждам рабочих. Отпуск пищевых продуктов пока продолжается,

но управление высказывает намерение прекратить таковой рабочим-должникам и остальным отпускать на наличные деньги. Рабочие имеют за управлением около 370.000 рублей, заработанных текущей операции. Должников около двухсот пятидесяти. Имеющих за конторой не более 10 рублей—до четырехсот. По заявлению управления, деньги для расчета рабочих имеются налицо. Прекращение отпуска продуктов (рабочим) находим пока рискованным.

Копию телеграммы просим передать Горное управление".

(Сборник „Ленские прииски", стр. 279).

11—12 (24—25) марта 1912 года

Рабочими были поданы Окружному инженеру жалобы на постоянные нарушения приисковой администрацией горных правил, контракта и различные злоупотребления.

12 марта избраны делегатки от женщин-работниц, приступившие к собиранию жалоб и требований к приисковой администрации.

Из показаний делегатки от работниц Комиссии адвокатов

12 марта сего года были избраны 4 женщины для собирания жалоб женщин, я оказалась среди избранных. Мне пришлось лично опрашивать всех женщин Феодосиевского стана, я полу-

чила 22 письменных жалобы. В этих жалобах содержатся указания на целый ряд притеснений и обид, которым подвергались женщины со стороны нарядчика Филарета Евсеева Бармина, который при назначении их на работу позволял себе самую грубую брань и угрозу. Назначение на работы носило принудительный характер, а отказ от работы, какими бы причинами он ни выражался, влек за собой увольнение от службы. Бывали случаи, когда путем угроз и принуждений заставляли выходить на работу больных женщин. Просьба женщины об освобождении ее от работы ввиду наступления болезни вызывала только грязные насмешки и брань. Болезнь ребенка также не освобождала мать от обязанностей итти на работу. Назначали и на работы, слишком тяжелые для женщин.

(Центрархив. „События на Лене в документах". Партиздат, 1932 г.)

13 (26) марта 1912 года

Забастовали рабочие на приисках Дальней тайги.

Ленское золотопромышленное товарищество, стремясь поставить рабочих в безвыходное положение, начинает предъявлять судебные иски о выселении рабочих из помещений, занимаемых ими на приисках.

14—17 (27—30) марта 1912 года

Забастовка на Ленских приисках продолжалась. Золотопромышленники, отвергнув основные требования рабочих, решили сломить стачку репрессиями: приисковая администрация добивалась массового выселения рабочих из жилищ и прекращения отпуска для них продуктов. Но, боясь волнений среди рабочих, приисковая администрация и горное начальство вначале колебались, ожидая прибытия затребованной по телеграфу дополнительной воинской команды. Хозяева приисков, провоцируя рабочих на выступление, надеялись после прибытия войск подавить стачку вооруженной силой.

Телеграмма Окружного инженера и горного исправника иркутскому губернатору 15 (28) марта 1912 года

... Петербургское управление возбудило у мирового судьи иски о выдворении из казарм рабочих. Заработанные деньги за неявкою рабочих для получения расчета управление предлагает сдать в депозиты мирового судьи. Прошу указаний, как поступать по прибытии войск, в случае дальнейшего невыхода рабочих на работу: применять ли репрессии или держаться мирного окончания. Команда прибудет числа семнадцатого. Массовое выдворение рабочих с приисков, особенно семейных, до навигации признано невозможным, ввиду ограниченности жилых поме-

щений и продуктов в Бодайбо и неимения таковых по почтовым зимовьям Витима на расстоянии трехсот верст, а также теплой одежды у рабочих. Полагал бы справедливым хотя бы небольшую прибавку поторжной и хозяйственной платы, при условии выхода на работу. Беспорядков нет.

(Иркутский облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1).

18—19 марта (31 марта—1 апреля) 1912 года

Приисковая полиция пыталась приступить к выселению рабочих, но встретила энергичный отпор с их стороны. Попытка выселения потерпела полный крах.

Из воспоминаний члена стачечного комитета тов. Баташева

18 и 19 марта, согласно постановления мирового судьи Хитуна, должно было производиться выселение ленских рабочих на Феодосиевском прииске из казарм. Имея в виду, что выселение рабочих из казарм равносильно голодной смерти, мы предупредили выселяемых и предложили им сказать, что их в данный момент нет на месте, и в то же время рабочие всего прииска должны, выходя из барака, окружить исправника, полицию, воинскую команду, завести с ними переговоры, пока сбежится весь прииск, и тесным кольцом окружить исправника с его командой. Так

и сделали. Исправник, оказавшись в кольце, растерялся, солдаты недоумевали. Развернуться было негде. Кругом рабочие, и по дороге видно было бегущих сюда рабочих со всех концов. Создавалось впечатление, что клубок с каждым моментом растет и конца еще не видно. Исправником была брошена фраза: „Кто законам не подчиняется, тот против царя".

„Ружья на руку!"—раздалась команда офицера Санжаренко. Бедные солдаты исполнили приказание, но винтовки в руках дрожали. Дальше команда оборвалась. Волной двинулись рабочие сзади к солдатам. Растерявшийся исправник был застигнут врасплох. Грозила большая опасность. „Поймите, я не хочу... Мне предписывают. Закон..."—каким-то подавленным голосом говорил исправник и, наконец, в отчаянии крикнул: „Я не хочу выселять! Разойдитесь"!—„Так-то лучше",—раздалось в толпе. Между прочим, рабочие пытались разговаривать с солдатами. Исправник торопил солдат скорее уходить. Это произошло между часом и двумя часами дня.

(Центрархив. „События на Лене в документах". Партиздат, 1932).

20—23 марта (2—5 апреля) 1912 года

Иркутское Горнозаводское присутствие пыталось выступить в роли „мирового посредника" между золотопромышленниками и рабочими. Характерно, что это Присутствие на ведомственном

совещании в Иркутске признало факт нарушения договора о найме на прииска со стороны Ленского золотопромышленного товарищества.

Из шифрованной телеграммы Окружному инженеру и горному исправнику

...Иркутское Горнозаводское присутствие, обсудив на основании телеграфных донесений Окружного инженера Олекминского округа обстоятельства, вызвавшие рабочие волнения и стачку на промыслах Акционерного общества Ленского золотопромышленного товарищества... и, с другой стороны, основываясь на перечне уступок, имеющих быть сделанными промысловым управлением Ленского товарищества рабочим, если таковые станут на работу, постановило: признать, что договор между Ленским товариществом и приисковыми рабочими разных профессий нарушен по вине первой из договаривающихся сторон, и самое нарушение договора и обязательных постановлений выразилось в следующем: а) отпуск рабочим недоброкачественных пищевых продуктов и на разных условиях со служащими; б) промедление в подаче медицинской помощи; в) грубое обращение служащих с рабочими; г) нарушение правил ведения горных работ в видах их безопасности, в смысле неснабжения рабочих непромокаемой одеждой при работе в мокрых забоях, чрезмерно продолжительной...

(Иркутский областной архив. Отчет Окружного инженера Витимского горного округа за 1912 г.).

Таким образом золотопромышленники не считались даже с элементарными условиями, предусмотренными в контракте по найму. Горнозаводское присутствие предлагало „Лензото" лишь не нарушать контракты и немного увеличить заработную плату.

Золотопромышленники отвергали всякие уступки рабочим и, наоборот, усиливали наступление против них, встретив в этом отношении полную поддержку царской администрации. „Лензото" угрожало закрыть прииски, усиленно распространяло провокационные слухи о „насильственных действиях" забастовавших рабочих, добивалось арестов и высылки руководителей стачки, прекращения выдачи продовольствия, возбуждало иски о выселении рабочих из казарм.

Еще до рокового дня 17 (4) апреля в кругах золотопромышленников и жандармов созрел замысел о кровавой расправе с рабочими. На Ленские прииски были вызваны палачи, уже имевшие кровавый опыт подобных расправ. Это был жандармский ротмистр Трещенков, офицер Санжаренко и другие, прибывшие на прииски с воинской командой.

ПАЛАЧИ ГОТОВЯТ КРОВАВУЮ РАСПРАВУ

Из протокола допроса мирового судьи Рейна 16 июля 1912 года сенатской ревизией Манухина

...У Теппана (заместителя управляющего при-

исками) Трещенков за обедом разъяснял, что есть сенатское решение, допускающее стрельбу и по мирной толпе. Взгляд г. Теппана на лучший способ расправы с забастовщиками определился фразой, произнесенной им, как мне передавал исправник Галкин, в посетительской в присутствии нескольких лиц, в числе коих был и Окружной инженер Александров: „Для того мирового дела можно было расстрелять человек 20—30..."

20 марта, в бытность мою в Надеждинском (теперь Апрельский) у г. Хитуна (мировой судья), он шутя сказал: „А у нас доктора вчера уже перевязочные средства заготовили".

Из телеграммы чиновника особых поручений иркутскому губернатору 3 мая 1912 года

... Исправник Галкин. Отношение к рабочим как Трещенкова, так и офицеров было все время вызывающее. Так, 19 марта, когда было собрание рабочих, аналогичное движению 4 апреля, и была вызвана воинская команда, я ездил от одной толпы к другой, уговаривая их разойтись. Угроз со стороны рабочих не было. Разговаривая с толпой, я заметил, что они все легли; обернувшись назад, я увидел, что солдаты держат винтовки наизготовке, я подъехал к офицеру и попросил отставить. Вечером все успокоились и рабочие разошлись, я проезжал мимо офицера Санжаренко, который спросил: „Что это, все

кончилось? Жаль, не пришлось даже рук погреть“. Трещенков, когда приехал, сказал: „Я имею указание губернатора подавлять забастовку силою оружия“. Вообще, он с рабочими держит себя грубо...

(Центрархив. „События на Лене в документах“ Партиздат, 1932 г.).

24 марта (6 апреля) 1912 года

Окружной инженер Тульчинский пытался сорвать стачку лживыми обещаниями.

„24 марта назначена была беседа с выборными от рабочих, которых к Окружному инженеру в помещение его канцелярии явилось по особому на них объявлению около 60 человек, причем среди выборных были женщины, подавшие особо во время беседы Окружному инженеру свою жалобу. Беседа Окружного инженера с выборными от рабочих продолжалась в течение свыше семи часов“.

(Из отчета Окружного инженера Витимского горного округа за 1912 г.).

Тульчинский уже знал о категорическом отказе золотопромышленников сделать какие-либо уступки рабочим. Об этом определенно заявил заместитель управляющего приисками Теппан как раз накануне переговоров Тульчинского с рабочими. Однако Тульчинский уверял выборных,

что если рабочие выйдут на работу не позже 1 (14) апреля, они могут через суд предъявить иски на нарушение договора Ленским золотопромышленным товариществом и заключить новый договор. Окружной инженер обещал „исхлопотать“ сокращение рабочего времени в мокрых забоях, запретить выдачу заработка талонами и пр. Часть выборных начала склоняться на уговоры Тульчинского, но большинство, на стороне которых оказалась и вся масса рабочих, на уговоры не согласилось.

Жалоба женщин, поданная Окружному инженеру

24 марта (6 апреля) 1912 года

Мы, женщины, находящиеся на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, согласились обжаловать все те причины, которые представляют неудобства жизни. Порешив выбрать из себя представительниц, мы посылаем их к правительственному ревизору.

1. Мало того, что Ленское товарищество обсчитывает, обвешивает, обмеривает и делает всякие несправедливости по отношению к нашим детям, мужьям, отцам, ему, т. е. Ленскому товариществу, понадобился наш труд во всевозможных формах и видах: нам приходится выполнять всякие работы, включительно с тасканием тяжестей, а также и мужские работы.

2. Работать приходится более 12 часов, а

также и ночные работы. Помимо нашего труда, от нас еще требуют и наше тело.

3. Когда мы не поддаемся, то нам не проводят рабочее время, выдворяют из казарм, штрафуют, мужьям нашим заявляют, чтобы они внушили нам слушаться, чтобы „проучили", и если нас мужья не проучивали, то мы наказывались всевозможными лишениями.

4. Насильственным путем они заставляли нас выполнять работы, не считаясь с нашими заявлениями о болезнях.

5. Выгоняли на работу плетьми, отрывая от грудных детей.

6. Грубое обращение, переходящее всякие границы нравственности. Об упомянутом имеем документы за подписями женщин.

(Центрархив. „События на Лене в документах". Партиздат, 1932 г.).

25—29 марта (7—11 апреля) 1912 года

В то время, как Окружной инженер пытался сорвать забастовку ложными обещаниями, жандармский ротмистр Трещенков, назначенный начальником приисковой полиции, угрожал рабочим кровавой расправой. В ответ на эти провокационные обещания (например, обещание горного начальства возбудить судебные иски о нарушении контракта правлением „Лензото" при условии прекращения забастовки) и угрозы „полицейской собаки", т. е. ротмистра Трещенкова, Центральный стачечный комитет выпустил воз-

звание к рабочим, призывая их, несмотря ни на какие провокации и угрозы, продолжать забастовку до полного удовлетворения своих требований. Забастовка продолжалась...

Объявление начальника полиции Витимского и Олекминского округов ротмистра Трещенкова

Сим объявляю жителям и рабочим приискового района, что никаких насилий или беспорядков мною допущено не будет, и при малейшей попытке к нарушению, я восстановлю порядок имеющейся в моем распоряжении воинской силой.

При этом предупреждаю, что, согласно 30-й статьи „Правил о призыве войск для содействия гражданским властям", войсками будет употребляться оружие после троекратного предупреждения. Кроме того, согласно 123 статьи уголовного уложения, виновные в участии в скопище, которое, действуя соединенными силами участников, оказало противодействие вооруженной силе, наказываются каторжными работами.

(Иркутский облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1).

Воззвание Центрального стачечного комитета

Рабочим от рабочих. Товарищи рабочие! Неужели вы будете дальше продолжать работы? Неужели наша забастовка разом не есть ваша

забастовка? Ведь вам известно, как „Лензото“ нас унижало на каждом шагу. Оно нас кормило дохлятиной с примесью конского навоза. Ругали нас и надругались над нашими женами и дочерьми. Нас обидами поносили, побои и так далее. Невозможно все это перечислить, что мы перетерпели до забастовки, и не надо считать. Из нас каждый знает и сам припомнит это, кому жилось худо. Потому что даже те ничтожные законы, которые „Лензото“ должно было исполнять, оно не исполняло. И теперь всеми правдами и неправдами оно хочет восстановить старый бывший порядок, но этого больше не будет; и, может быть, Тульчинский с пеной на губах кричит, что он сторонник рабочих, а мы ему не верим. Знаем, что тоже меняет свою шкуру по сезону. Не смущает нас также собачья морда жандармского ротмистра. Пусть он лает сколько угодно, но только жаль его бесполезных усилий. И много ли можем мы обратить наше внимание не брехню полицейской собаки? У нас более важные дела. Мы должны настаивать, чтобы исполнили законный расчет и требования. Товарищи, вы вышли на работу, но что же вас ждет? Ждет то же, что нас, те же издевательства, насилия и прочее. И что же вас ждет в будущем со стороны товарищей, работающих и борющихся за лучшее будущее?

Да здравствует забастовка! Долой продавцов дела рабочих!

(Сб. „Ленские прииски“, стр. 288—289).

30 марта (12 апреля) 1912 года

Директор департамента полиции приказал начальнику Иркутского губернского жандармского управления „ликвидировать“, т. е. арестовать, через ротмистра Трещенкова, стачечный комитет на Ленских приисках.

Телеграмма директора департамента полиции Белецкого

Предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет, и если не будет данных для дознания или следствия—возбудить охранную переписку.

(Сб. „Ленские прииски“, стр. 291).

3 (16) апреля 1912 года

В ночь с 3 на 4 апреля 1912 года была арестована часть членов стачечного комитета и делегатов от рабочих. Стачечный комитет, пополнив свой состав из числа делегатов и старост, перешел на подпольную работу.

4 (17) апреля 1912 года

Аресты выборных и обыски на приисках вызвали чрезвычайное возбуждение среди рабочих. С раннего утра начались собрания, на которых

было решено добиваться освобождения выборных. Уже в 7 часов утра свыше 1.000 человек рабочих с трех приисков (Андреевского, Утесистого, Васильевского) пришли к Окружному инженеру Тульчинскому, требуя освобождения арестованных.

В 8—9 часов утра до 2.000 рабочих собралось на Феодосиевском прииске. Было написано заявление от имени всех рабочих, протестующее против арестов и требующее освобождения выборных. Делегаты Феодосиевского прииска отправились с этим заявлением для переговоров об освобождении. Товарищ прокурора Преображенский и ротмистр Трещенков заявили рабочим, что это заявление „написали агитаторы“ и подписали его разными почерками. Каждый рабочий должен был подать заявление лично от себя.

Днем 9 апреля рабочие двинулись к Надеждинскому прииску для передачи товарищу прокурора заявлений о злоупотреблениях приисковой администрации и необходимости освобождения своих выборных.

Движение было начато андреевцами и васильевцами, к которым на пути присоединились рабочие других приисков. Всего собралось свыше 3.000 человек. Они шли по приисковому тракту, растянувшись версты на две. Первые ряды рабочих, подходившие к Надеждинскому прииску, увидели солдат, выстроившихся в боевом порядке под командой офицеров Лепина и Санжаренко,

За цепью солдат стояли ротмистр Трещенков, товарищ прокурора Преображенский и мировой судья Хитун. Таким образом кровавая расправа с рабочими совершалась в присутствии представителей царской „юстиции“.

Навстречу рабочим вышел инженер Тульчинский и предложил им остановиться. Увидя инженера, передние ряды рабочих остановились и стали окружать его с целью начать переговоры по поводу своих заявлений. Некоторые присели на бревна, чтобы отдохнуть и закурить... Но в этот момент послышалась команда и раздался первый залп по рабочим. „Нас, безоружных,— рассказывает М. И. Лебедев,—расстреливали по всем правилам военной стратегии и тактики“.

Стрельба происходила на таком близком расстоянии, что пули пронизывали несколько человек подряд. Из первых рядов послышались крики: „убили!“, „добейте!“, „прощайте!“ Часть толпы легла, и рабочие стали разбегаться, ползти за штабели леса. Но и по ним была открыта непрерывная стрельба...

Так, в угоду царизму и капиталистам, царские палачи устроили кровавую расправу с рабочими. Было убито 270 и ранено 250 человек.

Телеграмма члена Центрального стачечного комитета М. И. Лебедева от 5 апреля 1912 года

Петербург—пять адресов. Председателю совета министров, министру юстиции, министру тор-

говли, членам Государственной думы Милюкову, Гегечкори.

Четвертого апреля мы, рабочие „Лензото“, шли на Надеждинский прииск с жалобами товарищу прокурора Преображенскому о незакономерных действиях приисковой и правительственной администрации и с просьбой об освобождении арестованных, избранных по предложению властей. Не дойдя 120 саженей до квартиры прокурора, нас встретил Окружной инженер Тульчинский, уговаривая, во избежание столкновения с войсками, остановиться и разойтись.

Передние, повинуясь, стремились остановиться, но трехтысячная толпа, растянувшаяся на две версты по узкой дороге, не зная причины остановки передних, продолжала напирать, увлекая Тульчинского со стражником, не слыша даже предупреждающих сигналов начальника воинской команды. Последовали залпы, продолжавшиеся несмотря и на крики, махание фуражкой и платком Тульчинского прекратить пальбу. В результате— около пятисот убитых и раненых. Тульчинский уцелел чудом под трупами. Считаем виновником происшедшего ротмистра Трещенкова, товарища прокурора Преображенского, следователя—судью Хитуна, употребивших оружие, не убедившись в наших мирных намерениях. Ввиду весеннего перерыва сообщения с краем, просим немедленно назначения судьи, непричастного к событиям, с полномочиями следователя. Сообщение Киренск—Витим—Бодайбо еще возможно не долее недели,

промедление с приступом к следствию до навигации крайне затруднит выяснение истины.

Избранный рабочих „Лензото“, раненый Михаил Лебедев, номер расчетной книжки 268.

(Центрархив. „События на Лене в документах“. Партиздат, 1932 г.).

Рассказы бодайбинских рабочих

РАССТРЕЛ

Хотела администрация нашу забастовку сорвать, да мы не поддавались.

Потом раздала нам администрация бумажки круглые. Кто хочет на работу итти—пусть кружок напишет, кто не хочет—пусть ставит крестики. И все мы проголосовали крестами: не пойдем, пока не примут наших требований. До зеленой травы будем лежать, а не пойдем на работу.

4 апреля пошли мы всем прииском в контору. С собой каждый нес „сознательное заявление“, что бастует, мол, сознательно и никаких подстрекателей у нас нет. Шли мы мирно, чудесное утро такое весеннее. Я шел со своим товарищем—половинщиком Кругловым. Дошли до Надеждинского, видим: стоит цепь солдат и Трещенков перед цепью ходит. Ну, ладно, думаю, стойте. Мы вас не касаемся, а вы нас не троньте.

Сели мы с Кругловым отдохнуть, покурить. Курю и гляжу, что будет. Трещенков что-то рукой показывает солдатам. Сначала провел рукой

по-над головой, потом по груди, потом по низу. Только потом я понял, что он это их учил стрелять. Сперва по головам, потом по бегунцам, потом по лежачим. Так они и сделали, кровопийцы. Я все время сидел, курил—и вдруг слышу залп, стоны.

Один кричит: „Добивайте, гады!" Другой стонет. Земляк мой, Кожин Семен,—ему живот распороли,—кричит мне: „Ефим, помоги хоть сесть". А Трещенков уже по лежачим палит. Тут меня и ранило.

Е. С. Забродкин.

ЗА ЧТО?

Три раны у меня от Трещенкова: две пули в руке, а третья угадала в ногу.

Не ждали мы такой встречи. Да и как ждать? Шли мы мирно, все в праздничном. И всего-то оружия у нас с собой: часы, кисет да табак. Шли с „сознательными заявлениями". Просить, чтобы наших выборных арестованных отпустили.

Стали подходить к перекрестку. Вдруг труба заиграла. Сигнал. Да я в солдатах никогда не служил, что тот сигнал обозначает—не знаю. Гляжу—выбежали солдаты, выстроились цепью. И в мыслях не было, что будут по нас палить. За что?

И когда первый залп дали,—не поверили мы, что это нас убивают. Кричим:

— Это холостыми палят, не бойтесь!

А уже кругом люди падают. Гляжу—и у меня руки в крови. Упал я, ползу. А солдаты еще залп, еще... Попов Калина, земляк мой, забойщик, здоровый малый такой, за живот держится.

— Эх, Степан, кончина моя приходит.—Припал к земле и замер. И я припал рядом с ним. Нога не действует. А сам ничего понять не могу. За что?—думаю. А Трещенков кричит: „Расходись, остальных стрелять буду“. Куда ж я пойду,—думаю,—когда у меня нога не действует? Лежу, жду—сейчас подбегут солдаты, прикончат. Скорей бы уж! Что мучают!

Тут надо мной стражник наклоняется, оказывается, знакомый, раньше рабочим был, а потом в полицию ушел.

— Ты что, Нелаев?—спрашивает меня.

— Ранен я, брат, без ноги.—А сам думаю: за что же ты в меня стрелял?

Повалили нас, как скот, на сани, поволокли, а в больнице я узнаю, что брата моего Северьяна убили.

Два месяца лежал я в больнице. Раненые всюду,—кто на койках, а кто и на полу. Крики, плач, стоны. Теснота. Умирало много. Каждый день умирали.

А я вот выжил. Больше году с костылем ходил. И за кровь мою семьсот рублей мне дало Ленское товарищество и отправило на все четыре стороны.

С. Д. Нелаев.

(„Правда“, 1937 г., № 106).

5—7 (18—20) апреля 1912 года

Жуткие дни наступили на приисках. Жены и дети, убитые горем, оплакивали своих кормильцев. Рабочие были охвачены скорбью о погибших товарищах и ненавистью к царским палачам. Больницы переполнились ранеными.

„...Кругом на полу и на кроватях лежали в беспорядочном виде груды рабочих раненых, пол покрыт кровью, кое-где видны клочки сена, служившие постелью раненым; перевязки, сделанные, вероятно, с вечера, потерявшие свой вид до неузнаваемости, у некоторых были заменены собственным материалом из одежды.

Вся палата была оглушена стонами умирающих: „за что, за что!“ Тут же происходили трогательные прощания...“

(Из Летописи приисковой церкви. Сб. „Ленские прииски“, стр. 302).

Ротмистр Трещенков с жандармами и полицейскими продолжал обыски и аресты, выпускал объявления, угрожавшие рабочим новыми расправами.

Рабочие продолжали забастовку, присоединив к своим прежним требованиям еще требование о наказании виновников кровавой расправы. Но царское правительство и капиталисты даже наградили палачей: Трещенков получил от „Лензото“ крупную сумму денег, а от департамента полиции—официальную благодарность.

ЧЕРНЫЕ ДНИ НА ЛЕНЕ

(Из воспоминаний рабочих)

Жуткие дни настали для ленских шахтеров после расстрела. Трещенков рыскал по приискам в сопровождении казаков и все грозил: „Я из вас кровь и грязь сделаю“. Запрещено было собираться на улице даже небольшими кучками. Запрещено было зажигать свет в бараках. Как-то зажгли ребята в одном темном углу свечу. Вдруг врываются стражники и одного из ребят, Александровым его звали,—нагайкой по спине. Была у Александрова рубашка белой,—сразу стала алой.

Жуткие дни эти продолжались долго. Мы на работу не выходили и на улицу не ходили. Сидели, ждали либо новой расправы, либо арестов, либо отправки отсюда. И уж никто не надеялся, что доищемся у начальства правды. Только бы живыми уехать, да рассказать всей России, всему народу правду о Ленских событиях.

(„Правда“, 1937 г., № 106).

Телеграммы Окружного инженера Горному департаменту

I.

День прошел спокойно. Завтра похороны. 7 апреля, 10 вечера.

2.

9/IV-1912 г. Похороны закончены. Сегодня похоронено 84, всего 163 убитых, умерших от ран. День прошел спокойно.

3.

На приисках спокойно, но настроение рабочих подавленное. 10 апреля, 10 вечера.

4.

Положение без перемен. 16 апреля, 8 вечера.

(Иркутский облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1).

8 (21) апреля 1912 года

Вышел 27 номер большевистской газеты „Звезда“, посвященный Ленским событиям. На первой странице крупным шрифтом было напечатано в траурной рамке краткое сообщение:

На Ленских приисках

Убито —270

Ранено—250

Передовая статья начиналась так:

„В мрачную историю русского рабочего движения, богатую невероятными образцами самого

бессмысленного, изощренного насилия и беззакония, властной безответственной рукой вписана новая кровавая страница. Во славу капитала, для поддержания престижа власти расстреляли мирную толпу рабочих Ленских золотых приисков... Трудно сдержать крик негодования перед грудой „невинно убиенных“ и искалеченных русских рабочих, вся вина которых в том, что они мирными, законными путями добивались сносного человеческого существования...“

В „Звезде“ были напечатаны протесты рабочих Балтийского завода, печатни Яковлева, типографии Березина против Ленского расстрела. Затем многочисленные протесты стали ежедневно поступать в редакцию „Звезды“. В ней появился специальный раздел под заголовком „Ленский расстрел“.

По призыву и под руководством большевистской партии, рабочий класс ответил на Ленский расстрел усилением революционной борьбы...

9—13 (22—26) апреля 1912 года

Начались политические стачки протеста против Ленского расстрела.

9 апреля забастовали рабочие заводов и верфей в Николаеве и Южнорусского машиностроительного завода в Киеве.

10—11 апреля происходили стачки в Харькове и Екатеринославе.

12 апреля были проведены стачки в Риге, Одессе, Мелитополе, Киренске (забастовка рабочих пристаней и служащих Киренска).

В Петербурге 11—13 апреля состоялись многолюдные митинги протеста.

13 апреля забастовали рабочие завода Беринга в Саратове. Начались стачки рабочих в г. Баку.

Сообщения рабочих корреспондентов „Звезды"

Путиловский завод. Около 10 часов утра 12 апреля рабочие Путиловского завода в количестве одиннадцати тысяч человек, пропев „Вечную память", покинули завод, намереваясь устроить демонстративное шествие к другим заводам.

Балтийский завод. На состоявшемся 13 апреля на Балтийском заводе митинге по поводу зверств правительства в далекой Сибири на Лене была принята следующая резолюция:

„Когда русский рабочий захочет хоть несколько облегчить свое тяжелое существование, начинает мирно бороться за лучшие условия, его угощают свинцовым горохом. И на этот раз на далекой Лене русское правительство не изменило себе: под руководством жандармов убито 270, ранено 250 человек.

Мир праху убитых,
Они честно пали в неравном бою.
Вечная память погибшим борцам!

Мы, рабочие Балтийского завода, собравшиеся в количестве более 1.500 человек, не можем не высказать своего негодования по поводу этих новых зверских кровавых убийств беззащитных мирных людей и присоединяемся к протестам, которые несутся со всех сторон России.

Просим социал-демократическую фракцию огласить наш протест в Государственной думе, требовать гласного суда“.

Кабельный завод. 12 апреля, по окончании работ, у ворот Кабельного завода состоялся митинг рабочих по поводу кровавых событий на Ленских приисках.

Оратор предложил собравшимся резолюцию протеста, которая была принята единогласно, причем рабочие постановили направить принятую резолюцию в социал-демократическую фракцию Государственной думы: „Мы, рабочие Кабельного завода, выражаем чувство глубокого негодования по поводу этой новой гнусной расправы с нашими товарищами и просим социал-демократическую фракцию Государственной думы требовать суда над преступниками и государственного обеспечения семей погибших“.

9 (22) апреля 1912 года

Социал-демократическая фракция подала в Государственную думу заявление о запросе по поводу Ленских событий.

Из заявления социал-демократической фракции

...На далеких приисках совместными усилиями правительства и предпринимателей вырыты сотни могил, и к ним обращены теперь взоры всего рабочего класса. И от имени всего рабочего класса России мы констатируем следующее. Указом 2 декабря 1905 года за рабочими признано право стачек. Наказуются лишь забастовки в предприятиях, имеющих государственное или общественное значение. Меж тем, волей местных агентов правительства, причисливших к таковым и золотопромышленность, право ленских рабочих на стачку уничтожено. Но кровавая Ленская трагедия является одним из более ярких выражений общей правительственной политики. Правительство вновь возвращается к старым испытанным приемам борьбы. Вновь повторяются златоустовская, домбровская и иные бойни, повторяется день 9 января. Простые меры в виде высылки, арестов, преследования печати и союзов, очевидно, признаны недостаточными. И в ответ на требование свободы коалиции, стачек, союзов, собраний правительство и капиталисты ответили горячим свинцом. Ввиду всего вышеизложенного, мы, нижеподписавшиеся, на основании ст. 33 Государственной думы, предлагаем Государственной думе принять нижеследующий запрос: 1) Известно ли председателю Совета министров и министру внутренних дел, что 4 апреля

1912 года на приисках Ленского золотопромышленного товарищества за участие в экономической стачке во время переговоров с чинами горного надзора произведен расстрел рабочих, причем убито 270, включая и умерших от ран, и ранено 250. 2) Если известно, то что намерено предпринять правительство для выяснения истинных виновников бойни и привлечения их к законной ответственности, а также для предотвращения на будущее время подобных кровавых расправ с бастующими рабочими. Запрос просим признать спешным.

(Сб. „Ленские прииски", стр. 304).

11 (24) апреля 1912 года

В Государственной думе обсуждался вопрос о Ленском расстреле.

Министр внутренних дел Макаров, отвечая на этот запрос от имени царского правительства, пытался „оправдать" преступление, совершенное 4 апреля на Ленских приисках, и с наглым цинизмом заявил:

— Так было и так будет впредь.

— Пока вы у власти!—воскликнул тогда член с.-д. фракции Кузнецов.

Циничное заявление Макарова было встречено шумом на левых скамьях и криками по адресу царского правительства—„кровопийцы!"

Из речи представителя социал-демократической фракции Покровского

... Господа. Предложение октябристов или формула перехода называет объяснения министра внутренних дел Макарова неудовлетворительными, а мы называем и почитаем их возмутительными и отвратительными. Мы думаем, что это не только наша оценка, а прежде всего оценка всего русского пролетариата, который мы здесь представляем...

Мы... с негодованием отвергаем ваше предложение, как злонамеренное предложение, мы требуем продолжения свободного обсуждения объяснений г. министра внутренних дел Макарова, потому что надо дать возможность высказаться, вылиться общественному негодованию до конца. Надо дать почувствовать, что такие выступления с речами стоят кровавых выступлений и даром проходить не должны, и если „господа в министерских мундирах" позволяют себе всенародно с этой трибуны делать дикие выкрики, что „мы стреляли и будем стрелять", то на волчью пасть таких господ общественное мнение и народное представительство не только может, но и обязано надеть надлежащий собачий намордник. (Рукоплескания слева, шум справа).

(Центрархив. „События на Лене в документах").

ТРИ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Ленские ужасы вызвали внесение в Гос. думу трех запросов: социал-демократов, кадетов и октябристов. Националисты поставили лишь вопрос правительству, а правым и этого не понадобилось.

Черные хищники, обнаглевшие в 3-й думе до последних пределов, бесстыдно хохотали, когда трудовики внесли предложение: назначить из среды Государственной думы комиссию для расследования преступления на месте. Они взяли ленские расстрелы под свое высокое покровительство. Запросом, по их мнению, могла служить лишь эксплоатация рабочих ленским обществом. Они, как говорил депутат Замысловский, не могут „бросать грязью" в правительство, слуги которого выполнили лишь то, что являлось их обязанностью.

Раз отдано приказание: „патронов не жалеть", так стоит ли жалеть сотни рабочих, павших жертвой этого приказания.

Для них не существует законной стачки, справедливых требований рабочих—все это „бунт", который нужно усмирить, а „зачинщиков" перевешать.

Это они, истинно русские мракобесы, считают жандармов Трещенковых и всех больших и маленьких Азефов „своими", или своими „сотрудниками".

О каком же запросе для них может быть речь?

Разве лишь о таком, в котором они обвинили бы своих министров, жандармов и прочих сотрудников в недостатке энергии.

— Значит, стрелять можно?—Даже должно...— говорит Замысловский, а вместе с ним и вся черная сотня.

Но в Гос. думе есть и красноречивые либералы. Что они сказали русскому пролетариату?

О, тут было много благородного негодования, много „критики", а больше всего ссылок на статьи закона. Действия Трещенкова были признаны „незакономерными"—даже преступными, требовалось строжайшее расследование, даже (о, ужас!) вся система была подвергнута нападению, и в конце концов, как подсказала кадетская „Речь", все дело в том, что рабочие не произвели серьезного бунта, оправдывающего решительное действие войск... Да и может ли иначе говорить кадет, всегда боящийся самодеятельных народных масс.

К кадетским ораторам, Некрасову и Аджемову, поджимая хвост, пристал и октябрьский краснобай Гучков.

„Мы ждем, мы ждем",—декламировал по привычке октябрьский трибун.—Ждем, говорил он, расследования событий, ждем наказания виновных, и получил справедливую отповедь от представителя рабочих, с.-д. Кузнецова:—Вы можете ждать, но рабочие не ждут ни от правительственного расследования, ни от вас, соловьев-

либералов, защиты для себя.—И депутат Кузнецов развил третью точку зрения рабочего класса.

„Рабочие,—говорил он,—всегда и каждый раз за участие в экономических стачках расстреливаются поныне, и впредь при таком политическом положении, какое существует в настоящее время в стране, будут также расстреливаться... Мы не думаем, что тут являлись виновниками одни капиталисты, бароны Гинзбурги и гг. Тимирязевы, а также правительство, но мы придаем большую вину здесь в этом массовом убийстве третьей Гос. думе...“

„Рабочим,—говорил депутат Кузнецов,—нечего ждать от господской думы. Рабочие должны организовываться, чтобы уничтожить условия, при которых возможны расстрелы, подобные ленским“.

(„Звезда“, № 29 (65). Четверг, 12 апреля 1912 г.).

14—18 апреля (27 апреля—1 мая) 1912 года

Стачки, демонстрации, митинги охватили весь пролетариат Петербурга.

Начало стачечного движения было положено рабочими механического завода Русского общества, забастовавшими 14 апреля.

15 апреля движение вылилось в мощную демонстрацию протеста против Ленского расстрела. Во время демонстрации происходили столкновения с полицией.

16 апреля в Петербурге бастовало около 10.000 рабочих.

17 апреля стачечное движение приняло еще более широкие размеры. Рабочие утром приходили на работу, даже приступали к ней, но сразу бросали, заявляя, что делают это в знак протеста против расстрела ленских рабочих. Уход рабочих с фабрик и заводов обыкновенно сопровождался пением „Вечная память“ и революционных песен.

18 апреля однодневная стачка протеста охватила почти все заводы Петербурга (100.000 рабочих) и сопровождалась демонстрациями. Демонстранты, высоко подняв красные флаги, прошли по улицам столицы с пением революционных песен.

16—17 апреля бастовали типографские рабочие в Анкермане и Кишиневе (Бессарабия).

18 апреля в Москве началось движение протеста против Ленских событий. В этот день забастовали рабочие заводов Бермцова, „Блейхерт и Эйхнер“, „Труд“, Гужона, „Свет“ и Коломенского завода (в Московском уезде). Забастовали рабочие и ремесленники в Минске и Бобруйске, была принята резолюция протеста против Ленского расстрела, отправленная в Государственную думу. В Пинске распространялись революционные воззвания.

Первое место в движении протеста занимал пролетариат Петербурга, на втором месте стояла Москва, затем города Украины, Прибалтики, Белоруссии (Минск, Бобруйск, Пинск) и Польша.

В Варшаве бастовали рабочие 85 предприятий (11 тысяч человек). Из других городов Польши движение протеста охватило Петроков, Лодзь, Ченстохов и Радом. В этих городах были вывешены красные флаги с революционными надписями и распространялись воззвания на польском, немецком и еврейском языках.

20—30 апреля (3—13 мая) 1912 года

20 апреля в Луганске забастовали рабочие патронного завода, завода Гартмана и типографии Житомирского.

23—25 апреля усилилось стачечное движение в Москве.

23 апреля стачка охватила 13 предприятий. Рабочие под руководством большевиков устраивали митинги, выносили резолюции протеста, направленные против царского режима, организовывали демонстративные шествия с пением революционных песен.

24 апреля бастовало свыше 50 фабрик и заводов. На следующий день происходила крупная демонстрация.

В различных городах России стачечное движение продолжалось до 30 апреля.

1 мая стачки протеста по поводу Ленских событий сливались со стачками, отмечавшими день международной солидарности пролетариата — Первое мая.

В апрельских стачках участвовало до 300.000 рабочих, а 1 мая—свыше 400.000.

И. В. СТАЛИН О ЛЕНСКИХ ДНЯХ

НОВАЯ ПОЛОСА

Вслед за экономическими выступлениями рабочих—политические их выступления.

Вслед за стачками за заработную плату—протесты, митинги, политические забастовки по поводу ленских расстрелов.

В Питере и Москве, в Риге и Киеве, в Саратове и Екатеринославе, в Одессе и Харькове, в Баку и Николаеве,—везде, во всех концах России подымают голову рабочие в защиту своих загубленных на Лене товарищей.

„Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил!"

Третью ступень проходит рабочее движение в своем возрастающем оживлении. И это после контрреволюционных вакханалий.

Года 2 назад рабочие еще пробовали сопротивляться все возраставшим нападениям ненасытных хозяев. Стачки обороны, а местами и наступательные забастовки—вот в чем выражалось оживление движения. Это была первая ступенька. Московский район был застрельщиком.

Года полтора назад рабочие переходят к наступательным забастовкам. Выставляются новые экономические требования, добиваются условий 1905—1906 годов, отобранных у рабочих за время

контрреволюционного разгула. Это была вторая ступенька. Застрельщиком являются западные окраины.

Теперь пошла третья ступень, период политического движения.

Со ступеньки на ступеньку!

И этого надо было ожидать. Подъем в основных отраслях промышленности и рост капиталистических барышей наряду с падением реальной заработной платы; рост профессиональных и политических организаций буржуазии наряду с разрушением рабочих организаций; подъем цен на жизненные продукты и рост помещичьих доходов наряду с голодом 30 миллионов крестьян, когда гонимые нуждой отцы и матери принуждены продавать своих дочерей и сыновей,—все это не могло не внести политического оживления в ряды рабочего класса.

Ленские выстрелы послужили лишь сигналом.

Очевидно, „на Шипке не совсем спокойно". Это чувствуют и представители власти, спешно готовящиеся к „умиротворению" страны. Это отражается, повидимому, даже на делах нашей внешней политики...

А известия о политических забастовках-протестах все продолжают приходить.

Нет сомнения, что подземные силы освободительного движения заработали...

Привет вам, первые ласточки!

К. С. [Сталин].

„Звезда", 1912, № 30.

К десятилетию „Правды“

(Воспоминания)

I. ЛЕНСКИЕ ДНИ

Ленские дни явились результатом Столыпинского режима „успокоения“. Молодые члены партии, конечно, не испытали и не помнят прелестей этого режима. Что касается стариков, то им, должно быть, памятны проклятой памяти карательные экспедиции, разбойничьи набеги на рабочие организации, массовая порка крестьян и, как прикрытие всего этого,—черносотенно-кадетская дума. Скованность общественной мысли, общая усталость и апатия, нужда и отчаяние среди рабочих, забитость и запуганность крестьян при общем разгуле полицейско-помещичье-капиталистической своры—таковы характерные черты Столыпинского „успокоения“.

Поверхностному наблюдателю могло показаться, что эпоха революций канула в вечность, что наступил период „конституционного развития“ России на манер Пруссии. Ликвидаторы кричали об этом открыто, проповедуя необходимость организации Столыпинской легальной рабочей партии. А некоторые старые „большевики“, сочувствуя в душе такой проповеди, заблаговременно покидали ряды нашей партии. Торжество кнута и темноты было полное. „Мерзость запустения“— так характеризовалась тогда политическая жизнь России.

Ленские дни ворвались в эту „мерзость запустения“ ураганом и открыли для всех новую картину. Оказалось, что Столыпинский режим не так уж прочен. Дума вызывает в массах презрение, а рабочий класс накопил в себе достаточно энергии для того, чтобы ринуться в бой за новую революцию. Достаточно было расстрела рабочих в далекой сибирской глуши (Бодайбо), чтобы Россия покрылась забастовками, а питерский пролетариат, выйдя на улицу, одним взмахом смел с пути хвастливого министра Макарова с его наглым лозунгом „так было, так будет“. Это были первые ласточки начинающегося мощного движения. „Звезда“ была тогда права, восклицая: „мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил“... Подъем нового революционного движения был налицо.

В волнах этого движения и родилась массовая рабочая газета „Правда“.

И. Сталин.

„Правда“, 1922, № 98.

22 апреля (5 мая) 1912 года

Совещание приисковой администрации на Надеждинском прииске, чтобы замести следы преступления, совершенного 4 апреля, постановило вывезти бастующих рабочих и вместо них нанять новых.

Из постановления совещания

... Настроение бастующих рабочих в настоящее время таково, что совершенно нельзя ожидать, чтобы рабочие Ленского товарищества встали на работу, и потому все бастующие рабочие в обоих округах числом 4.200 человек, не считая жен и детей, а с ними—до 5.500 человек, подлежат эвакуации с открытием навигации. Цифра в 4.200 человек точно определена...

Для осуществления беспрепятственной эвакуации и для устранения осложнений, необходима присылка достаточного количества войск в Бодайбо, и эвакуацию эту необходимо произвести частями, отдельными группами.

По мере вывода бастующих рабочих можно допустить прибытие в г. Бодайбо новых рабочих, как самостоятельно прибывающих, так и вновь нанятых Ленским товариществом, причем в устранение скопления рабочих в Бодайбо представляется необходимым, чтобы из с. Витима отправка новых рабочих допущена была по особым пропускам начальника полиции, ротмистра Трещенкова витимскому приставу...

(Центрархив. „События на Лене в документах". Партиздат, 1932 г.).

5—7 (18—20) мая 1912 года

Царское правительство через горное начальство пыталось сорвать забастовку ленских рабочих лицемерными обещаниями расследовать „обста-

новку события 4 апреля“, „изучить“ условия жизни и труда на приисках, удовлетворить некоторые претензии рабочих по делам о нарушении контракта по найму со стороны „Лензото“.

Отношение Окружного инженера начальнику полиции Витимского и Олекминского горных округов 7 мая 1912 г.

Г. директор Горного департамента телеграммой от 5 сего мая за № 774 предложил мне, чтобы я, ввиду командирования по высочайшему повелению на Ленские прииски особого лица, разъяснил рабочим, что расследование уполномоченным на то лицом будет иметь своим последствием удовлетворение законных претензий рабочих и что для облегчения производства означенного расследования необходимо встать рабочим на работу и возобновить нормальную жизнь.

Для объявления означенного предложения мною вызывались на сегодня в мою канцелярию выборные от рабочих по каждому приисковому управлению, по одному от каждого номера.

В настоящее время выборные от рабочих должны передать разъясненное мною желание правительства другим рабочим и обсудить мои увещания, поэтому прошу ваше высокоблагородие сделать зависящее распоряжение чинам вверенной вам горной полиции о непрепятствовании обсуж-

дению рабочими по казармам означенного правительственного распоряжения.

(Иркутский облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 1).

10 (23) мая 1912 года

Ленские рабочие в телеграмме члену Государственной думы Скороходову разоблачили провокационную попытку горного начальства сорвать забастовку путем лицемерных „обещаний“ и угроз и произвести насильственную эвакуацию рабочих. Забастовка продолжалась.

Телеграмма рабочих

7 мая Окружной инженер объявил нам о получении им телеграммы из Петербурга от директора Горного департамента. Директор предлагает нам приступить немедленно к работам. Если не приступим к работе, то первыми отбывшими пароходами 12 мая „Лензото“ будет вывозить нас до прибытия ревизионной комиссии. Окружной инженер пояснил, что если какое-либо сопротивление будет с нашей стороны эвакуации на пароходы, то будет употреблена воинская сила, оружие. Просим вас убедительно употребить все меры, оградить нас от этого последнего произвола, явно доказывающего, если это будет исполнено, цель стушевать, насколько возможно, картину Ленских

событий. Если нас вывезут насильно до прибытия сюда долгожданной нами ревизионной комиссии, то зачем тогда ее прибытие? Если приедет, то от кого будет брать данные раскрытия объяснения Ленских событий, если нас не будет? Если приступим к работе, то этим замаскируем все поступки „Лензото“ и властей от ревизионной комиссии.

Рабочий „Лензото“ Пешков.

(Центрархив. „События на Лене в документах“).

21 мая (3 июня) 1912 года

На прииски приехал иркутский генерал-губернатор Князев, который добивался прекращения забастовки. Князев предлагал возобновить работы, заявляя, что „Лензото“ пойдет на уступки и прибавит заработную плату.

Одновременно золотопромышленники объявили о согласии немного повысить расценки, при условии возобновления работ. Все эти уговоры и объявления, направленные к срыву забастовки, имели провокационный характер...

Совещание рабочих, обсудив вопрос о выходе на работу и новых расценках, постановило работ не возобновлять. Рабочие пришли к выводу, что расценки, объявленные „Лензото“, совершенно не улучшают их положения.

30 мая (12 июня) 1912 года

Генерал-губернатор Князев, решив воздействовать на рабочих угрозами, объявил, что, ввиду их отказа прекратить забастовку, они обязаны получить расчет и в 7-дневный срок выехать с приисков. В противном случае Князев угрожал приступить к принудительному выселению рабочих.

Объявление генерал-губернатора стало известно далеко за пределами приисков и вызвало сильное возмущение. Вскоре это распоряжение отменили.

4 (17) июня 1912 года

На Ленские прииски явился во главе правительственной комиссии с большим штатом чиновников сенатор Манухин. Царское правительство, отправляя эту комиссию для показной, по существу, „ревизии" деятельности „Лензото" и „расследования" причин забастовки, пыталось замести следы кровавых преступлений и вместе с тем путем провокации и угроз добиться прекращения стачки.

Комиссия производила опросы свидетелей, принимала заявления, осматривала шахты, казармы рабочих и т. д. Сразу же по приезде на прииски Манухин пошел на провокацию. Он обратился с воззванием к рабочим, в котором писал, что сможет провести правильное расследование, узнать

условия труда и жизни рабочих только тогда, когда они приступят к работе. Одновременно в разговоре с представителем правления „Лензото“ бароном Гинзбургом Манухин заявляет, что его призывы к рабочим являются лишь тактическим шагом для срыва забастовки.

Сначала рабочие отвергли предложение Манухина, но затем, под влиянием адвокатов, убеждавших, что работа во время ревизии даст возможность выяснить тяжелые условия труда на приисках, согласились временно приступить к работе.

5 (18) июня 1912 года

Рабочие подали заявление Манухину, что они, „стремясь выяснить правду на Ленских приисках“ и не отказываясь от своих требований, встают временно на работу, впредь до выработки новых условий договора и расценок.

8—9 (21—22) июня 1912 года

Рабочие Ленских приисков временно вышли на работу. Золотопромышленники и царская администрация думали, что им удалось сорвать стачку, но через 19 дней она опять возобновилась.

26 июня (9 июля) 1912 года

26 июня был готов новый договор об условиях найма рабочих на прииски, составленный

комиссией Манухина совместно с приисковой администрацией.

Договор был передан рабочим для обсуждения.

27 июня (10 июля) 1912 года

На приисках началось обсуждение нового договора. Рабочие пришли к выводу, что и этот договор не дает существенных изменений, так как порядок не изменился: осталась старая администрация и „крепкий белозеровский режим“, не привлечены к ответственности виновники расстрела 4 апреля, выборные рабочих попрежнему сидят в тюрьме.

Рабочие постановили не принимать условий договора, не приступать к работе и требовать вывоза с приисков.

Заявление рабочих Феодосиевского прииска сенатору С. С. Манухину от 27 июня 1912 г.

На собрании рабочих Феодосиевского прииска, при обсуждении суточного договора и расценки работ, рабочие нашли, что он лучше старого, но не последовало тех существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих, так как порядок не изменился. Администрация приисковая та же, и крепкий белозеровский режим не изменился и в присутствии ревизии. Виновность лен-

цев не установлена, и на них не наложена обязанность штрафа за все наши мучения и за все нарушения прежнего договора. Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновников 4 апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме, и, одним словом, не выяснена правда. При всех этих обстоятельствах рабочие считают подписать договор невозможным и остаться у ленцев в тайге невозможным при таких порядках, какие существуют в настоящее время. По окончании прений и при закрытой баллотировке (голосовавших—2.005 человек) 1.998 человек против 7 не приняли этих условий и к работе не приступают и желают вывоза в жилые места и в другие места, где они могут найти себе новые работы.

(Сб. „Ленские прииски", стр. 324).

28 июня (11 июля) 1912 года

Возобновилась забастовка на Ленских золотых приисках. Рабочие заявили, что „душа не позволяет помириться с ленцами после всех перенесенных обид", и решили демонстративно покинуть прииски.

Вторая стачка и поголовный отъезд рабочих с приисков явились грандиозной политической демонстрацией против зверской расправы царского правительства и золотопромышленников над ленскими рабочими.

Донесение заведывающего Прокопьевским управлением „Лензото“ Окружному инженеру 28 июня 1912 г.

Имею честь сообщить, что сего числа вышедшие на работы после 7-го июня с. г. забастовщики сегодня с утра на работу не вышли и на запрос, почему не хотят работать, ответили: работать не будем.

О настоящем было заявлено вам рано утром по телефону, но канцелярия ваша на вызов не отвечала.

Телеграммы Окружного инженера Горному департаменту и иркутскому горному начальнику 28 июня 1912 г.

1.

Сегодня прекратили работы рабочие „Лензото“ Прокопьевского, Андреевского, Иннокентьевского приисковых управлений. „Лензото“ предложило рабочим, желающим возобновить работы, подписать новый договор в трехдневный срок, по истечении которого начнется вывоз рабочих.

2.

Встав 7 июня временно, по предложению сенатора Манухина, на работы впредь до выработки новых условий договора и расценок, рабочие всех приисков „Лензото“ вчера и сегодня, после

обсуждения нового договора и расценок, постановили прекратить работы, получить расчет, выехать на родину, находя невозможным оставаться на приисках при прежнем составе приисковой администрации.

(Иркутский облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 2).

4 (17) июля 1912 года

Начался отъезд с приисков рабочих, принимавших участие в Ленской забастовке. Во время отправки с Бодайбинской пристани рабочие запели „Вечную память" погибшим товарищам.

Телеграммы Окружного инженера Горному департаменту

5 июля.

Вчера отправлена из Бодайбо на пароходе „Лензото" первая партия рабочих, вместе с женами—800 человек, не считая детей. Сегодня сенатор Манухин покинул прииски, переехал в Бодайбо. Завтра вечером ожидается отъезд его из Бодайбо в Иркутск. Иркутский губернатор остается до окончания навигации...

9 июля.

Восьмого отправлена вторая партия рабочих „Лензото", числом 1.000 мужчин и женщин,

14 июля.

Вчера, тринадцатого, отправлена третья партия рабочих „Лензото" в 1.150 человек. Сегодня выехал отсюда иркутский губернатор Бантыш для личного наблюдения за движением по Лене отправляемых рабочих.

(Иркутский облархив, фонд Окружного инженера Витимского горного округа, дело № 2).

27 июля и 1 августа (9 и 14 августа) 1912 года

Отправились четвертая и пятая партии рабочих. Всего с приисков Ближней тайги выехало 8.840 человек. Выезд рабочих из Дальней тайги закончился позднее: рабочие приисков Светлого и Кулебряника выехали 15 сентября. 27 июля на пристани происходила демонстрация. Рабочие отправились на баржи с пением „Вечной памяти" погибшим товарищам. Затем представитель стачечного комитета произнес речь, обращенную к отъезжающим рабочим и товарищам их, стоявшим на берегу. Содержание этой речи передается в протоколе пристава 1 стана Витимского горного округа, составленном по поводу демонстрации на берегу реки Витима:

Оратор, „обрисовав быт рабочих на промыслах Ленского золотопромышленного товарищества, постепенно перешел к причинам забастовки рабочих на приисках, порицая в самых резких выражениях действия управления приис-

ками, главным же образом главноуправляющего приисками Ленского товарищества Белозерова, называя его „кровопийцем“.

Далее, объясняя причины и последствия забастовки, говорил, что все без исключения местные правительственные власти... в данное время „все куплены Ленским товариществом“ и находятся на иждивении данного товарищества, что правительственные власти творят беззакония, попирая права рабочих людей и расстреливая безвинных, что забастовкой рабочих вызвано назначение... расследования причин оной, но назначенный для расследования этого сенатор, тайный советник Манухин, почему-то не пошел навстречу желаниям и требованиям забастовавших и вообще не оправдал ожиданий, причем (оратор) порицал действия сенатора Манухина, тайного советника. В этой же речи выборный призывал весь трудящийся народ сплотиться и всеми силами и способами бороться как с правителями капитала, так и правительственной властью, везде исполнять этот призыв и на местах, где бы рабочие ни остались на жительстве...

(Иркутский облархив, фонд 2, дело № 596, лист 7).

По существу, представитель стачечного комитета выразил в своей речи настроение всех ленских рабочих, которые испытали всю тяжесть двойного гнета—со стороны капиталистов и самодержавия, заливших приисковую землю кровью

рабочих. Ленские пролетарии во время забастовки получили опыт организованной пролетарской борьбы.

После отъезда с приисков, рассеявшись по шахтам Восточной и Западной Сибири, участники Ленской забастовки способствовали революционизированию сибирских шахтеров. Под руководством большевистской партии они принимали активное участие в стачечном движении 1913—1916 гг., боролись за власть Советов в 1917 году и с буржуазно-помещичьей контрреволюцией в 1918—1919 гг.

Ответственный редактор Л. Фессон.
Тех. редактор М. Клинской.
Корректор Т. Расина.

Сдано в набор 8/IV-1938 г. Подп. к печати 14/IV-1938 г. Бумага 60×92. Бум. листов $1^1/_4$. Печ. листов $2^1/_2$. Уч.-авторских листов 2,65. Уполн. Обллита 420. Огиз 1014. Тираж 3000. Заказ 1158.

Отпечатано в Иркутской типогр. Огиза треста „Полиграфкнига".

45 коп.

